

Общеалтайская реконструкция и перспективы изучения тюрко-монгольских параллелей

Опубликовано в кн.: Востокведение. 25 Филологические исследования.
Межвузовский сборник. СПб., изд. СПбГУ, 2004. С.18-28.

Многим до сих пор представляется, что алтайская проблема представляет собой контрверзу: либо сходства алтайских языков объясняются следствием их генетического родства, либо результатом взаимных заимствований. Эта контрверза является мнимой - уже лет двадцать назад, если не более того, ортодоксальные алтаисты (под которыми надо понимать сторонников генетического родства алтайских языков) могли позволить себе роскошь считать, что при наличии общего лексического фонда этих языков, восходящего в общеалтайскому состоянию, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеется достаточно заметное количество заимствований из соседних языков. В тюркских языках это в подавляющем большинстве монголизмы (хотя высказывались предположения о заимствовании в них и тунгусо-маньчжурских слов: такие слова с очевидностью и в избытке имеются в якутском языке). В монгольских языках - это тюркизмы, хотя в отдельных случаях предполагаются и тунгусо-маньчжуризмы, попавшие в монгольские языки в разные периоды (они наличествуют в дагурском, предполагаются в бурятском, но возможны древние заимствования и из маньчжурского языка). В тунгусо-маньчжурских языках - это монголизмы, и в значительно меньшей степени тюркизмы (присутствие якутских заимствований очевидно в эвенкийском и эвенском языках; тюркизмы, имеющие иной источник или обнаруживаемые в других языках, изучены хуже).

Алтаистика на протяжении значительного периода своего развития - от ее обособления от урало-алтаистики старшей формации и примерно до 60-х годов XX века - при обнаружении лексических сходств стояла перед дилеммой: признавать ли сходство слов результатом заимствования или возводить слова к праалтайскому языку? Фонетические соответствия между отдельными группами алтайских языков, описанные в сравнительных грамматиках Г.Рамстедта и Н.Н.Поппе, почти не позволяют разграничивать общую лексику и заимствования на уровне праязыков - и этим не без успеха пользовались антиалтаисты (*nomina sunt odiosa*), расхожим тезисом в трудах которых стало то, что массовые заимствования из одного языка в другой создают видимость регулярных фонетических соответствий, что, соответственно, создает видимость родства.

Этот тезис напрашивается на комментарии. Во-первых, массовые заимствования практически всегда образуют тривиальные фонетические соответствия - такие соответствия, когда гласные и согласные в сравниваемых словах по существу тождественны сами себе. Напротив, при генетическом родстве и исторической дивергенции чаще всего наблюдаются такие фонетические соответствия, которые не являются тривиальными - соответствия нетождественных гласных и согласных, требующие выявления архетипа в ряду из нескольких возможных соотносительных фонем или его реконструкции в виде, отличающемся от всех известных нам языков, образующих родственную группу или семью. Иными словами, **задачей сравнительно-исторического языкознания является не обнаружение видимых языковых сходств, а доказательство тождества внешне различающегося языкового материала. Своим рождением научная компаративистика обязана не установлению факта сходств тюркских или финно-угорских языков, известных задолго до рубежа XVIII-XIX веков, а обоснованию родства индоевропейских языков,**

различия между отдельными группами которых на этот момент давно превзошли пределы взаимопонятности. Во-вторых, система “фонетических соответствий”, выстроенная на материале явных заимствований, заведомо не будет полной, то есть не будет представлять достаточного количества примеров на все без исключения гласные и все без исключения согласные во всех значимых фонологических позициях. В качестве примера можно предложить сомневающимся исследовать фонетические соответствия между русским языком и тюркскими языками - при заведомом отсутствии родства и достаточном объеме качественно проработанного материала в несколько тысяч слов (как раз то количество, которое сверхдостаточно для обоснования подлинного родства) здесь предсказуемость результатов становится самоочевидной.

Исследования в области общеалтайской фонетической реконструкции, проводящиеся автором, позволили установить, что при сходном в целом наборе согласных в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках эти группы языков существенно (до полярности) различаются по степени сохранения линейной фонетической структуры слова¹. В монгольских языках исходная фонетическая структура слова сохранена наилучшим образом и за исключением некоторых деталей отражает исходное общеалтайское состояние (в этих языках утрачены лишь начальные глухие лабиальные согласные и некоторые согласные в преконсонантной позиции). В тунгусо-маньчжурских языках полностью сохранены исходные характеристики анлаута, но сильно модифицированы фонетические структуры конца слова и довольно значительно изменены сочетания согласных внутри слова. Тюркские языки, как представляется, хорошо сохранили некоторые консонантные элементы ауслота, но отражают измененные состояния в анлауте, где сократился возможный набор согласных, и особенно в положениях внутри слова - здесь имело место фронтальное выпадение первых элементов консонантных сочетаний до такой степени, что поз эту закономерность попали даже вторичные сочетания согласных, которые образовались после выпадения гласных второго слога.

Столь сложная система отношений между тремя группами алтайских языков открывает перспективы для более надежного разграничения общеалтайской лексики и явных заимствований (мы пока не привлекаем корейский и японский материал, хотя место этих языков в общей классификации уже определено: названные языки не дают чего-либо принципиально важного для алтайской реконструкции и являются в ее пространстве объясняемыми, но не объясняющими). Вместе с тем именно относительно сложный характер этой реконструкции открывает хорошие перспективы для ее верификации как раз на материале заведомо заимствованной лексики. Напрашивается вопрос: может ли предложенная реконструкция быть подтверждена для отдельных групп языков материалом межгрупповых заимствований или заимствований из соседних языков, или же такая проверка реконструкции в принципе невозможна? Заметим, что столь жесткая верификация общеалтайской реконструкции ныне является наиболее соблазнительной для самого автора предложенной реконструкции, и отнюдь не для его научных оппонентов, которые, похоже, даже не осознают всей сложности данной процедуры и всей эффектности и надежности результатов, полученных с ее помощью.

Сюжет данной работы составляют наблюдения над отдельными словами тюркских и монгольских языков, которые не привлекали или мало привлекали внимание исследователей лексики этих языков. Вообще интерес к лексическим раритетам, среди которых разумно искать заимствования, в наши дни в алтаистике оправдывается вдвойне. Во-первых, так называемая реконструкция общего лексического фонда в виде нанизывания друг на друга одинаково или сходно звучащих слов для тюркских языков уже стала довольно примитивным занятием, а для монгольских языков всегда была таковым. Во-вторых, как раз в отдельных

тюркских и монгольских (равно как и в тунгусо-маньчжурских) языках имели шанс сохраниться такие общеалтайские архаизмы, которые могут быть старше общетунгусо-маньчжурского, общемонгольского или общетюркского состояния соответственно. Как раз одной из актуальных задач изучения лексики отдельных групп алтайских языков является не поиск “общих слов” в группах языков, а инвентаризация всего того лексического фонда, который не признается новообразованиями или заимствованиями из других языков вне зависимости от распространенности того или иного слова по количеству языков, где оно зафиксировано - решение этой задачи намного облегчило бы реконструкцию общеалтайской лексики на дальнейшем этапе исследования.

Конкретный предмет нашего внимания представляют собой такие слова, для которых в рамках нашей общеалтайской реконструкции обнаруживаются основания считать их принадлежащими лексическому фонду “не своей” группы языков, и рассматривать их как заимствования из соседней группы языков (хотя бы такие слова и отсутствовали там в современном состоянии), как заимствования какого-то архаического переходного состояния языков в виде хронологически переходной формации или исчезнувшего позднее диалекта.

Напомним, как выглядит соотношение монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских форм в рамках нашей общеалтайской реконструкции. Для этого достаточно привести четыре пары примеров:

- 1) п.-мо. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ - тюрк. *jü:z* ‘лицо’
- 2) п.-мо. *deresün* ‘камыш’ - тюрк. *jiz* ‘тростник’;
- 3) т.-ма. *окмо* ‘лекарство’ - тюрк. *ot* ‘лекарство’;
- 4) т.-ма. *опокто* ‘трава’ - тюрк. *ot* ‘трава’

Из приведенных пар примеров видно, что по сравнению с монгольскими языками, которые как бы сохраняют исходный облик слов, в тюркских языках отпадает ауслатный комплекс VC, в сочетаниях согласных внутри слова подвергается выпадению выпадает первый согласный, причем этот процесс затрагивает даже тот согласный, который исторически в общеалтайской праформе находится между гласными во втором слоге; этот согласный также выпадает, если гласный второго слога утрачивается и образуется вторичное сочетание согласных. Причем процесс утраты первого согласного в сочетаниях согласных и процесс преобразования вторичных сочетаний согласных (то есть процесс утраты второго слога со структурой CV) должны были иметь место не в общетюркском и не в пратюркском языке, а в прототюркском языке, который только-только обособился от других групп алтайских языков. Наблюдаемые закономерности подтверждаются несколькими десятками примеров, иллюстрирующих выпадение разных согласных в общетюркском праязыке по сравнению с общемонгольским или общетунгусо-маньчжурским праязыками.²

Обратимся к интересующим нас примерам:

1. П.-мо. *ob* ‘белка-летяга’ при наличии п.-мо. *olbu* ‘белка-летяга’, которое имеет параллели в живых монгольских языках. В рамках предлагаемой общеалтайской реконструкции слово *ob*, зафиксированное в только в письменномонгольском языке, должно быть признано тюркизмом, так как его внешний вид точно соответствует его потенциальным тюркским рефлексам. В тюркских языках такая лексема на первый взгляд отсутствует, однако рефлекс ее в прогнозируемом, хотя и несколько измененном за счет морфологической производности слова виде обнаруживаются в тувинском слове *авырган* ‘белка-летяга’.

2. Др.-тюрк. *elgü-* ‘сеять, просеивать’ и *ek-* ‘сеять, сыпать’ являются дублетами. Из двух форм, если их оценивать в рамках системы соответствий между отдельными группами алтайских языков, первая форма выглядит как монгольская лексема, вторая - как тюркская. П.-мо. *elxeg* ‘сито, решето’ может рассматриваться как единственный собственно

монгольский рефлекс интересующего нас глагольного корня в монгольских языках - впрочем, мо. *элэгдэх* ‘просеивать’ и *элхэг* ‘сито’ странным образом различаются звонкостью-глухостью согласного, а значения ‘сеять’ и ‘сыпать’ в монгольском языке передается в основном каузативными глаголами с другими корнями (явный признак лексической инновации). Впрочем, если считать слово *элхэг* ‘сито’ тюркизмом в монгольских языках, ничего не переменится - в тюрко-монгольском мире переаимствования или обратные заимствования представляют собой не столь уж редкое явление.

3. П.-мо. *belcir* ‘железа’, при дублетном мо. *булчирхай* ‘железа’ и тюрк. *bez* ‘железа’. Монгольская форма *belcir* ‘железа’ по своей огласовке стоит ближе к тюркской, чем к собственно монгольской дублетной форме *булчирхай* ‘железа’: тунгусо-маньчжурские параллели для этого слова не выявлены. Сами по себе формы этого слова в отдельных тюркских языках, явно восходящие к одному архетипу, дают достаточно противоречивую картину: ср. алт. *берч* ‘железа’, хак. *мир* ‘твердая опухоль’, *мирси* ‘железы внутренней секреции’, *мирт* ‘лимфатические железы’; шор. *мйрс* ‘вымя, опухшие железы’ (Радлов 4 2097), тел. *нйрс* ‘железа’ (Радлов 4 1240). Вероятно, в тех тюркских языках, которые сохранили вышеприведенные формы, имел место переход согласных *l>r*, индуцированный утратой ауслатного комплекса *-ir*. Обращаем внимание на то, что данный пример никак не может являться иллюстрацией “ротацизма-зетацизма”, поскольку тюркскому согласному *z* в слове *bez* соответствует монгольский согласный *c*, а не *l* или *r*. Формы типа *берч*, *мирси*, *мирт*, как представляется, восходят к какому-то “паратюркскому” языку, который должен был занимать промежуточное положение между монгольскими и тюркскими языками, и из которого они были заимствованы в архаические тюркские диалекты Южной Сибири.

4. Эвенк. *умул*, эвен. *Өмэл* ‘сова, филин’, нан. *хумилун* ‘сова’ сравнивается на общеалтайском уровне с др.-тюрк. *qoburga* ‘сова’. При этом якутское диалектное слово *ӨлбҮргэлээх* ‘сова’ (ДсЯЯ 232б) несопоставимо ни с тюркской, ни с тунгусо-маньчжурской лексемами. С учетом установленного факта, что плавный л, сохраняющийся в позиции перед губным согласным в монгольских языках, регулярно выпадает в тунгусо-маньчжурских языках, причем это явление не восстанавливается по фактам самих тунгусо-маньчжурских языков (этот вопрос выходит за пределы данного сообщения) якутская форма выглядит с точки зрения соответствий между алтайскими языками как монголизм. Однако данного названия совы нет ни в письменно-монгольском, ни в современных халха-монгольском и бурятском языках. Тем не менее в калмыцком языке имеется слово *хурвылһы* ‘сова’ - то самое, которого нам не доставало, во-первых, для заполнения всей цепочки соответствий по трем группам алтайских языков, во-вторых, и это главное - для обоснования монгольского источника якутского слова *ӨлбҮргэлээх* ‘сова’.

5. Эвен. *алмат* ‘плацента’ при том, что для тунгусо-маньчжурских языков это слово является чуть ли не изолированным, соотносится на уровне общеалтайской реконструкции с монгольским *xarbusun* ‘плацента’ и тюркским *qap* ‘плацента’. Возражения к этому сравнению, основанные на попытках реконструкции общего значения у всех тюркских “капских” слов (как выразились бы по аналогии с “салскими” и “берскими” словами лингвисты 30-х годов прошлого века), не могут быть приняты всерьез: уже обнаружилось, что древнетюркские слова-омонимы (омографы) *qaraq* ‘крышка’ и *qaraq* ‘веко’ имеют разные соответствия в туркменском, где они различаются количеством гласных - и выглядят соответственно как *ganak* и *ga:nak*. В связи с наименованиями плаценты (вне попыток реконструкции общих значений) наше внимание привлекает не столько якутское *karbusun* (материалы Я.И.Линденау)³ ‘послед коровы’, явно заимствованное из монгольского языка и точно совпадающее с приведенным выше монгольским словом, сколько стоящее особняком в тюркских языках казахское *аланыс* “сорочка, в которой рождаются дети (= ‘плацента’.-А.Б.)

(Радлов 1, 366: приведенная в статье этимология явно ошибочна). Данное слово занимает как бы промежуточное положение между монгольскими и тюркскими формами с учетом того, что названные формы различаются по морфологической структуре: тюркская форма, точно соответствующая п.-мо. *xarbusun*, должна была иметь вид ****qap-uz** (ср. эвенк. *бу-кэсэ*, эвен. *б* **ᠪᠤ-кэ-с** - п.-мо. *mö-sün* - др.-тюрк. *bu-z* 'лед').

6. Ульчское (тунгусо-маньчжурское) слово *н'улчуку* 'кочерга', с анлаутным собгасным неясного происхождения, но прозрачной фонетической структурой и кристально ясным морфологическим составом (имя орудия с суффиксом *-ку*) сближается с тюркским *közägü* 'кочерга'. Однако турецкое *öl-sür* (в графике В.В.Радлова *ölcüp*) 'большие щипцы для углей' (Радлов 1, 1258) содержит тот же самый корень *közü-*, но без начального согласного и с иным (очевидно, монгольским) суффиксом имен орудия. В современном турецком языке имеется очень редкое слово *öl-ser* 'кочерга'.⁴ Внешнее сравнение и наличие дублета в тюркском лексическом материале позволяют однозначно идентифицировать турецкую лексему как старое заимствование из монгольских языков, архетип которого был позднее утрачен в самих монгольских языках.

7. Эвен. *арба* 'мель, мелкое место', может сравниваться с бурятским диалектным *хар'жа* 'мель', *харья* 'быстрина, стремнина' (ИБГ 2, 39) лишь предположительно, а нанайское *хэри(н)* 'перекат, мель', маньчжурское *хэрин* 'пороги', может быть заимствованием из монгольских языков той же лексемы, которая представлена в бурятском. В тюркских языках мы находим хакасское (сагайское) *карбал* **ᠪы** 'мелкое место в реке' (Радлов 2, 214), и, как можно заметить по межгрупповым фонетическим соответствиям, аналогичная форма незаконномерна для тюркских языков (где ожидалось бы отсутствие плавного перед согласным), но абсолютно закономерна для монгольских языков, и она не слишком отличается от вышеприведенных монгольских слов.

8. Мо. *ишиг* 'козленок' является дублетом при наличии в монгольских языках п.-мо. *inzagan*, мо. *янзга* 'козленок антилопы' и эвенк. диал. *индякан* 'козленок' - очевидного монгольского заимствования. Однако для нас очень важно то, что соотношение двух монгольских слов - *inzagan* и *ишиг* - оказывается точно таким же, как и соотношение п.-мо. *elzigen* и др.тюрк. *eshäk* 'осел', которое рассматривалось во множестве трудов по тюрко-монгольским лексическим связям и алтаистике (правда, с различными объяснениями сходства и даже по большей части иными пофонемными корреспонденциями), и п.-мо. *zulzagan* и др.тюрк. *cocuiq* 'поросенок', на сходство которых почему-то никто не обращал внимание, хотя они принадлежат к той же семантической группе названий домашних животных и по своему внешнему виду соотносятся друг с другом точно так же, как и слова *elzigen* и *eshäk*. Таким образом, на основании аналогий в структуре слова и при наличии слова-дублета *янзга* в монгольских языках напрашивается мысль о том, что название козленка *ишиг* в монгольских языках является старым тюркизмом, который ныне утрачен в самих тюркских языках.

9. Сравнение эвенкийского слова *амсир* 'горноста́й' с др.-тюрк. *a:s* 'горноста́й', которое укладывается в рамки установленных автором фонетических соответствий для общеалтайской лексики, давало бы основания относить эту лексему к общеалтайскому лексическому фонду. Но самое интересное заключается в том, что данное слово, п.-видимому, не может считаться исконно общеалтайским. Есть основания говорить о том, что это слово было заимствовано в поздний праалтайский язык, поскольку оно заведомо не принадлежит к алтайской лексике, так как является заимствованием из чукотско-камчатских языков - ср. чукотское *эмчачокалгын* [emcasokal[᠄]★n] 'горноста́й' (с глухим [л] и спирантным [᠄]), которое после глухого сонанта подвергается оглушению). То, что эвенкийское слово *амсир* является словом, не принадлежащим исконной тунгусо-маньчжурской лексике, доказывается

тем, что в эвенкийском языке существует дублетное заимствование той же чукотской лексемы - эвенк. *амчика* 'хорек' (любопытно для нашей темы то, что оба приведенных эвенкийских слова попали в якутский язык в виде *амсыыр* 'горноста́й', и *амчыка* 'хорек'. Сходные изменения звукового облика имели место при заимствовании еще некоторых слов: ср. якутское *кунах* 'древесный гриб' при чукотском *воналгын* [wonal⁺★n] 'шишка'.

Приведем еще несколько примеров, когда нам удается идентифицировать слова монгольских языков как тюркизмы на основании отличия внешнего вида параллелей к этим словам в тунгусо-маньчжурских языках:

Мо. *ота-* 'лечить' соответствует тюркскому *ота-* 'лечить', но ср. т.-ма. *окто* 'лекарство' (аналогичная форма предполагается и для монгольских языков).

Мо. *бэх* 'крепкий' совпадает с тюркским *бек* 'крепкий, прочный', но отличается от т.-ма. (эвен.) *бипкэ* 'крепкий'.

Мо. *уха-* 'понимать' при тюркском *иқ-* 'понимать, разуметь', но ср. эвенское *хупку-* 'учить, учиться' или маньчжурское *улхи-* 'понимать, вникать, постигать'. При двух возможных вариантах реконструкции общеалтайской праформы, предполагающих одинаковый внешний облик корня в современных тюркских языках, монгольская лексема выглядит как определенный тюркизм. Дублетность тунгусо-маньчжурских слов, скрытая за словарным определением маньчжурской лексемы, может быть разрешена при предположении, что форма *хупку-* соотносится с общеалтайским архетипом, а маньчжурская форма была заимствована из какого-то "паратюркского" языка или диалекта.

Мо. *хЭшиг* 'занавес, занавеска' точно совпадает с тюркским *kösüg* 'покрывало, занавес', но при этом отличается от эвенского *кЭштур* 'палка, на которую вешается полотнище - занавеска, отгораживающая хозяйственную часть юрты (пространство у входа)'. Тунгусо-маньчжурские и тюркские слова дают основания для восстановления общеалтайской праформы с мнимым "лямбдаизмом", и служат фоном для идентификации монгольского слова как тюркизма.

Мо. *ихэг* 'посудный шкаф, буфет' на фоне нивхского *хорга*, *хорга* 'полка' (вероятнее всего, тунгусо-маньчжурское заимствование) и нанайского *хорго* 'шкаф' также выглядит не как монгольская лексема, а как тюркская форма, хотя бы и не документированная материалом тюркских языков - для исконно монгольской формы ожидалось бы внешнее совпадение с нанайским словом.

Таким образом, в части случаев идентификация заимствованных слов на основе фонетических критериев совпадает по результатам с хорошо известными исследованиями, но при этом она оказывается на порядок более надежной. Для большого количества тюркских и монгольских слов открывается возможность изучения их истории при наличии параллелей к ним в тунгусо-маньчжурских языках. При определенном соотношении внешнего вида слов в разных группах языков некоторые тюркские слова могут считаться монголизмами, а некоторые монгольские слова - тюркизмами даже при их отсутствии соответственно в известных нам монгольских или тюркских языках. В качестве подтверждения сделанных выводов выступают редкие слова, обнаруживающиеся в отдельных тюркских или монгольских языках, и слова монгольского происхождения с утраченными монгольскими архетипами, которых довольно много в якутском языке и которые присутствуют в тюркских языках Алтая и Южной Сибири.

Приведенный материал однозначно свидетельствует о том, что предложенная автором настоящей работы общеалтайская реконструкция выдерживает проверку на материале заимствованной лексики - ту проверку, которая является надежным средством верификации любой реконструкции. Если бы излагаемые нами представления о том, что тюркские языки отражают наиболее поздние этапы эволюции языков алтайской семьи,⁵ были фикцией, то мы

не имели бы ни того массива примеров, который соотносится с исконной общеалтайской лексикой, ни тем более тех примеров, которые позволяют трактовать те же структурные вариации одних и тех же слов как старые межгрупповые заимствования. Использование установленных соответствий на уровне структуры слова между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, с одной стороны, и тюркскими языками, с другой стороны, позволяет приступить к дальнейшему изучению заимствованной лексики в отдельных группах алтайских языков на новой, качественно иной основе, которая позволяет исследователям отстроиться от лежащих на поверхности очевидных сходств и получить новые, более надежные и гораздо более интересные результаты. Особенно любопытной представляется возможность выявить “прототюркский” или “паратюркский” лексический компонент в составе лексики монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также отдельных тюркских языков или их языковых ареалов. Подчеркнем еще раз, что такая возможность открывается для нас только при признании генетического родства алтайских языков, и по преимуществу при принятии излагаемого варианта общеалтайской реконструкции.

В заключение отметим, что выявление несоответствий в линейной фонологической структуре слов между отдельными группами алтайских языков позволяет сделать еще один шаг вперед в алтаистике - перейти на качественно новый уровень в объяснении фонологических изменений. В свое время артикуляторная описательная фонетика оказала тюркологии поистине медвежью услугу, на несколько десятков лет затормозив изучение исторической фонологии как тюркских языков, так и языков других групп алтайской семьи. В наши дни мы, кажется, можем, наконец полностью отказаться от объяснения звуковых переходов квазиуниверсальными тенденциями к ослаблению и усилению артикуляции и можем перейти к интерпретации фонетических соответствий в терминах диахронической фонологии и обратиться к фактам, указывающим на обусловленность звуковых изменений процессами в сфере морфологии, а также на связь тех или иных фонологических изменений в отдельных языках и языковых группах с ареальными явлениями, характерными для нескольких групп неродственных языков - впрочем, возможно, что те же самые языки будут рассматриваться как отдаленно родственные или, скажем так, как “неактуально-родственные” языки.

1. **Бурыкин А.А.** 1) Общеалтайская реконструкция и общетюркское состояние: соотношение инлаутных консонантных групп. / Тезисы 1 конференции по теоретической лингвистике. М., изд. РГГУ, 1993, С. 32-34; 2) Соотношение общеалтайской реконструкции и общетюркского состояния в свете соответствий инлаутных консонантных групп. // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С.14-18; 3) Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С.19-42.

2. **Бурыкин А.А.** Соотношение линейной фонологической структуры слова в алтайских языках // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. Спб., изд. СПбГУ, 2000. С.25-30.

3. **Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983.

4. **Türkçe sözlük.** 2. K-Z. Yeni baskı. Ankara, 1988. S.1134. Автор выражает глубокую благодарность проф. В.Г.Гузеву за указание на материал данного словаря.

5. См. **Бурыкин А.А.** Позиция корейского языка в классификации отдельных групп алтайских языков и новые перспективы алтаистики // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы международной конференции, посвященной столетию

корееведения в Санкт-Петербургском университете. 14-16 октября 1997 года. Санкт-Петербург, 1997. С. 19-26.

Сокращения

ДСЯЯ - диалектологический словарь якутского языка. М., 1974.

ИБГ - Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968.

Радлов - Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. т.1-4. Спб., 1888-1911.